м. н. сперанский

Сербские школьные вирши

(из истории русско-украинско-сербских связей в начале XVIII в.)*

Один из крупнейших русских славистов, покойный академик Михаил Несторович Сперанский (1863—1938) неоднократно бывал на Балканах в 1890-е—1900-е годы. Он не только работал там в архивах, но много путеществовал, наблюдал народный быт (костюмы, пляски, песни), восхищался природой и памятниками средневекового искусства в Сербии и Болгарии (впечатления об одном из таких путешествий описаны в ненапечатанном очерке: По Сербии и Болгарии. Лето 1897 года. — ЦГАЛИ, ф. 439, оп. 1. ед. хр. 102—111.

Проблема русско-славянских литературных взаимосвязей привлекала внимание М. Н. Сперанского с 1890-х годов и до последних месяцев жизни. В своих исследованиях и курсах он не раз подчеркивал именно взаимный характер этих связей и необходимость их конкретного раскрытия для правильного построения истории литера-

туры отдельных славянских народов. Кроме его напечатанных статей (1) Деление истории русской литературы на периоды и влияние русской литературы на югославянскую. — Русский филологический вестник, т. XXXVI, № 3—4. Варшава, 1896, стр. 193—223; 2) К истории взаимоотношений русской и югославянской литератур. — ИОРЯС, т. XXVI. Пгр., 1923, стр. 143—206; 3) К вопросу о русском влиянии в сербской литературе XVIII в. — Труды Института славяноведения АН СССР, т. II. Л., 1934, стр. 27—33; 4) Русские памятники письменности в югославянских литературах XIV—XVI вв. — В кн.: Сперанский, Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960, стр. 55—103; 5)Югославянские тексты «Исторической Палеи» и русские ее тексты. — Там же, стр. 104—147), следует напомнить малоизвестный литографированный специальный курс «Славянские отношения в русской литературе», читанный М. Н. Сперанским в течение двух лет (1903/04 и 1904/05) в Нежинском историко-филологическом институте. Единственный экземпляр этого курса хранится ныне в библиотеке Нежинского государственного педагогического института имени Н. В. Гоголя. Это два тома, в четверку, общим объемом 640 + 543 страницы литографированного текста (инв. №№ 320886 и 320866).

Во вступительной лекции этого курса М. Н. Сперанский ставил вопрос о насущной необходимости изучения русской литературы в тесной взаимосвязи со всеми славянскими литературами: «Многие факты нашей русской литературы вне этой связи не могут быть научно истолкованы» (стр. 6). Он подчеркивал взаимный характер связей югославянских и западнославянских литератур с русской: «Русская литература, как и всякая другая, не только получала, но и со своей стороны давала другим, будут ли это ее самостоятельные создания или чужие, по-своему переработанные или даже лишь сбереженные ею... Именно эта сторона нашей литературы особенно выдвинулась за последние десятилетия, когда в Западной Европе все чаще говорят о мировом значении русской литературы» (стр. 8). И в средние века «русская литература, если и получала больше, нежели давала (почему — это мы знаем), то все же давала и подчас так много, что существенно влияла на склад развития южнославянских литератур. Мы

должны изучать нашу литературу в ее международном общении» (стр. 10).

Тема русско-сербских (а для XVII—XVIII вв. и украинско-сербских) взаимосвязей не раз была предметом исследований М. Н. Сперанского. В своих работах он последовательно выявлял взаимное обогащение восточнославянских и южнославянских литератур в процессе их многовекового общения,

^{*} Подготовка к печати, редакция и вводная заметка В. Д. Кузьминой.

С одной стороны, М. Н. Сперанский интересовался деятельностью Похомия Серба (Логофета), как деятеля русской литературы и общественной мысли XV в.; он обращал внимание на сербские надписи на русских и украинских книгах как на важный источник по изучению русско-украинско-сербских связей в XVI—XIX вв.; он изучал русские связи Вука Караджича и т. п. С другой стороны, М. Н. Сперанский собрал немало материалов для истории русского (а с XVII в. и украинского) влияния на сербскую литературу и письменность в XIII—XVIII вв. Он выявил и изучил сербские переводы многих произведений древнерусской литературы и письменности: житий (князей Бориса и Глеба, князя Мстислава, княгини Ольги, Феодосия Печерского, литовских мучеников и др.), проповедей (митрополита Илариона, Кирилла Туровского, Феодосия Печерского), исторических повестей (Сказание о Софии царыградской, Повесть о разорении Царыграда латинянами, Повесть о взятии Царыграда турками), апокрифов, «Исторической Палеи», памятников церковного права и т. п.
Кроме того, М. Н. Сперанский показал, что подобно тому, как «Слово о законе и

Кроме того, М. Н. Сперанский показал, что подобно тому, как «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона было использовано сербским писателем XIII в. иноком Доментианом для жизнеописания сербских государей, сербский Хронограф был составлен в XVI в. по образцу русского Хронографа первой редакции, а на рубеже XVII—XVIII вв. «Анфологион» и произведения Димитрия Ростовского через посредство церковной школы явились источником виршевого стихотворства В. Ракича.

Публикуемая ныне статья органически связана по своей проблематике с указан-

ными выше.

Неизвестное произведение Г. Венцловича «Вирши на Воскресение Христово» 1730-х годов и анонимные произведения сербской церковно-школьной поэзии XVIII в. рассмотрены в ней на широком фоне развития русско-украинско-сербских связей XVIII в. (творчество И. Раича, В. Ракича, Г. Венцловича, Эм. Казачинского). Изучение этих произведений соотнесено с вопросом о книжных и рукописных источниках сербских духовных стихов в сборниках Вука Караджича и П. А. Бессонова «Калеки

перехожие».

Поскольку те украинские вирши (канты, псальмы), влияние которых на сербские духовные стихи раскрывает М. Н. Сперанский, были широко распространены и в русских рукописных сборниках, а связи Сербии с Россией, в частности с Московской славяно-греко-латинской академией, развивались параллельно с общением Сербии и Украины, предстонт попытаться уточнить определение непосредственных источников знакомства сербов с русско-украинским школьным стихотворством. Поиски в южнославянских древлехранилищах, в архивах сербских школ XVIII в. (например, Карловацкой) могли бы обнаружить те сборники русско-украинских виршей, по которым сербские писатели осваивали форму книжного духовного стиха, а простые переписчики распространяли сочинения русских и украинских авторов, слегка (и не всегда удачно) приспособляя их язык к живой речи сербских читателей.

приспособляя их язык к живой речи сербских читателей.

Статья М. Н. Сперанского печатается по черновому автографу 1915 г., хранящемуся в Москве (ЦГАЛИ, ф. 439, оп. 1, ед. хр. 34, на 26 — 11 листах). Часть этого автографа, относящаяся к виршам В. Ракича об Алексее человеке божием, была обработана и напечатана автором в 1934 г., во втором томе «Трудов Института славяноведения АН СССР». Публикуемая статья является ее продолжением и подобно предыдущей устанав чивает зависимость анонимных сербских церковно-школьных виршей

в честь праздников и святых от украинских образцов.

Собирая материалы по истории старинной русской литературы, я интересовался, естественно, также вопросом о соотношениях между русской и южнославянскими литературами. Расширяя и исследуя произведения, говорившие о влиянии южнославянских литератур на русскую в древний, первоначальный ее период, я должен был неизбежно столкнуться с вопросом не только этого влияния, но и взаимоотношений русской литературы с южнославянскими — болгарской и сербской.

Оказалось, что в XIII—XVIII вв. нередко наблюдается переход на Балканы и древнерусских памятников, а с XVII в. — и украинских про-изведений, и памятников южнославянских, но в русском изводе. 1

Как и для более древнего времени (XI—XVII вв.), так и для более позднего (XVIII—XIX вв.) этот вопрос разработан и освещен все еще

 $^{^1}$ См. об этом подробнее: М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских связей. М., 1960; В. Д. Кузьмина. Хронологический список трудов академика Михаила Несторовича Сперанского. — ТОДРА, т. XII. М.—А., 1956, стр. 594—612, №№ 6, 39, 43, 48, 104, 133, 162, 166, 187, 191, 240, 242 и др.

недостаточно. Необходимо выявление и обработка новых фактов. Поэтому при собирании материалов на Балканах в 1890—1900-е годы по истории южнославянских литератур я не пренебрегал и произведениями XVIII в., которые могли бы осветить интересный и малоразработанный вопрос о взаимоотношениях русской и украинской литератур с южнославянскими в XVII—XIX вв.

Во время своих занятий в болгарских и сербских библиотеках, где главным образом и сосредоточены интересовавшие меня рукописи (в частности, в библиотеках Народной и Академической в Белграде, Народной — в Софии и Академической — в Загребе), мне удалось собрать ряд духовных стихов в старых сербских и отчасти болгарских записях. Одна группа их, довольно характерная для представления о взаимосвязях восточнославянских литератур (русской и украинской) с южнославянскими (в данном случае с сербской литературой), и является объектом изучения в настоящей статье.

Если мы присмотримся со стороны формы и содержания к сербским духовным стихам (побожне пјесме), собранным в изданиях Вука Караджича ² и П. А. Бессонова (Калеки перехожие), ³ то заметим некоторую аналогию тому, что мы видим и в русских, и украинских духовных стихах. Как и в последних, в сербских мы заметим две основные группы. Одна (по-видимому, старшая: Вук относит ее к группе «најстарјих јуначких пјесама») приближается по строению к эпическим «јуначким» песням (и у нас такие стихи, как об Егории, Голубиной книге и другие, сходны с былинным стихом). Другая группа по форме чужда устной эпической поэзии, стихи в ней снабжены рифмой и построены по правилам силлабического сложения (как и большинство русских и украинских «кант» и «псальм»).

Разнятся эти группы между собой, как и соответствующие им русские и украинские стихи, по способу их передачи и сохранения. Тогда как первая группа (если основываться на обстоятельных заметках собирателей) встречается исключительно в устной передаче у певцов, песни второй группы, если и передаются певцами изустно, то весьма часто (и даже чаще) знакомы нам по записям не старше, впрочем, половины XVIII в,

чаше же — по более поздним.

Так, среди рукописей Белградской народной библиотеки встретились записи стиха об Алексее, божьем человеке (№ 547, конца XVIII в.); тот же стих сообщен был П. А. Бессонову в записи священником сербом Кириллом Андреевичем из Старой Сербии (Бессонов, вып. 1, № 36) и Марком Вуковичем (довольно известным собирателем песен, современником Вука — № 174, Бессонов, вып. 3), стих о Николае Чудотворце — священником же сербом Агафангелом Дечанским (Бессонов, вып. 3, № 193). В рукописи Белградской народной библиотеки также XVIII— XIX вв. находим стих о Герасиме пустыннике (№ 337) и ряд стихов рождественских, Воскресению, Василию, Спиридону — в рукописи № 445, в Библиотеке Сербской Академии наук — № 27 и т. п.

Напомним, что громадное число русских и украинских «кант» и «псальм» встречается в рукописных тетрадках (иногда с нотами) XVIII в. (редко XVII в.), и лишь немногие из них встречены в наше время

2 Вук Стеф. Караџић. Српске народне пјесме књ. друга. Београд, 1895 (глав-

ным образом— начало тома).

3 П. Бессонов. Калеки перехожие, вып. 1—6. М., 1861—1864 (далее: Бессонов). Здесь южнославянские духовные стихи разбросаны в разных местах в качестве параллелей к русским, частью взяты из того же сборника Вука Караджича.

(в 1890-1910 гг., — $\Pi \rho u m$. $\rho e g$.) в устах народных певцов, преимущественно южновеликорусских и украинских, причем связь их с книгой, тетрадкой может быть установлена в большинстве случаев.

Эта аналогия, невольно бросающаяся в глаза при ознакомлении с данной группой сербских духовных стихов, становится особенно явной, если обратить внимание на содеожание и самый текст этих стихов. При сравнении тождество содержания и текстуальное сходство не оставляют сомнений о связи между сербскими, русскими и украинскими стихами этой

Ограничусь немногими примерами. Рождественский стих (поклонение волхов) в рукописи Белградской Академии наук (№ 27, л. 17), «Песнь» (нач.: «Шедше тріе цари Христу со дари») буквально совпадают со стихом, записанным в Черниговской губернии, Сосницком уезде (Бессонов, вып. 4, № 243). Песнь св. Спиридону в рукописи Белградской народной библиотеки (№ 445, л. 52) представляет не что иное, как стих о Николае (нач.: «А кто, кто Николая любит», см.: Бессонов, вып. 3, № 190). Все отличие сводится к тому, что вместо имени Николая подставлено имя Спиридона (святого, популярного на Балканском полуострове под влиянием греков в недавнее еще время), даже та игра словами, которая основана на имени Николы, осталась неудачно примененной к Спиридону:

> Спиридонъ имя знаменито, «Побъждай» тезоименито: Побъждаетъ агаряне. Утъшает христіане.

Все это, устанавливая родство между русскими, украинскими и сербскими стихами, невольно вызывает вопрос: какова эта связь и чем она может быть объяснена? Ближайший анализ сербских стихов, справка в истории литературных связей русской, украинской и сербской народностей, думается, дают на это ответ.

Первые указания дает язык сербских духовных стихов. Прежде всего это язык не живой, не народный, который мы видим в сербских духовных стихах первой из отмеченных нами групп. Язык этих стихов должен быть сопоставлен с тем книжным славяно-сербским языком, каким пользовались сербские грамотные люди с конца XVII в., вплоть до Досифея Обрадовича, а частью и позднее. Это язык русских печатных славянских книг, язык московской Руси, ее духовенства. Только в незначительной степени (и притом в большинстве случаев бессознательно) в него включаются элементы живой сербской речи. Это язык таких писателей, как Иван Раич (1726-1801), Гавриил Стефанович-Венцлович (первой половины XVIII в.) ⁶ и др., когда они не стремились сознательно популяризировать свои произведения, приноравливая их для понимания простого народа. Связь славяносербского языка этих писателей с сербской речью сводится к немногому. Встречаются признаки сербской фонетики: например, смешение ы и и, коегде сербское а вместо старого глухого (пвсань), трчати (гласный р), жуто (жлъто, желто) и т. п.; реже — характерные элементы сербской морфологии: например, ногомъ вместо ногою. Сербские словарные особенности малочисленны: это обычно ходячие бы говые слова, названия обиходных пред-

⁴ В рукописи Белградской народной библиотеки (№ 110, л. 27) находится и сербский такой же стих с именем Николая. Ср.: Бессонов, вып. 3, № 193.

⁵ Νικόλαος — народов победитель.

⁶ О первом см.: Д. Руварац. Архимандрит Јован Раијић. Сремски Карловци, 1902; о втором — Владан Јовановић. О језику Гаврила Стефановића-Венцловића. — В кн.: Диалект. Збирка Српске Академии, II. Београд, 1911.

метов. Но и по сравнению с этими текстами книжные сербские духовные стихи еще ближе подходят к строю речи книжных украинско-русских. Читая такой текст, мы даже ставим себе вопрос: писал ли его серб? Только тщательный анализ языка и правописания убеждает нас в сербском его происхождении. Например, в стихе о Николе (Белградская народная библиотека, № 110, л. 27) не находим ни одного сербизма, в следующем (о рождестве) — лишь форму: пъсанъ (в заглавии) и смешение ы и и (съ намы); в стихе («орація») на воскресение Христово (Белградская академия, № 27, л. 23 об.): данасъ (днесь), овде (здесь, теперь), сви (вси), пакъ (паки), ће (будет) — обычные, самые ходячие выражения разговор-

ной речи. Фонетика и морфология сербских книжных духовных стихов может быть объяснена двояко: или сербы-авторы настолько хорошо усвоили славяно-русскую речь (что вполне возможно для таких лиц, как например Раич — воспитанник Киевской Духовной академии), что именно на ней слагали стихи; или же эти стихи восходят к украинско-русским оригиналам. Если учесть общность содержания, иногда и тождество текста русских, украинских и сербских стихов, то, принимая первое предположение, мы по необходимости должны были бы сделать и второе: стихотворение, написанное на условном славяно-сербском книжном языке, перешло в русско-украинские сборники из Сербии. Но такое предположение противоречило бы в общем тому, что мы знаем о происхождении «кант» и «псальм». 7 Родина их, как известно, — Украина и культурная среда Киевской духовной школы, а сами они — продукт ее и латино-польского влияния на Украине XVI—XVII вв. Отсюда образцы этой разновидности школьной поэзии были перенесены в значительном количестве в Московскую Русь, где в свою очередь было создано во второй половине XVII в. большое число вирш и псальм того же типа. Наблюдение показывает, что в русских рукописных сборниках рядом нередко помещаются и украинские по происхождению, и собственно русские стихи, причем язык украинских вирш постепенно русифицируется, но вместе с тем и в русских стихах появляются характерные украинские рифмы, а иногда и отдельные словарные украинизмы. Но ни в русских, ни в украинских духовных стихах мы никогда не найдем ни малейших следов сербского происхождения ни в содержании, ни в языке. 8 Таким образом, мы должны отдать предпочтение второму предположению — поставить сербские стихи в зависимость от русских и украинских, по крайней мере те из них, которые дают аналогию к русско-украинским по своему содержанию и форме. Это предположение найдет себе подтверждение в самых стихах и в тех условиях, при которых переход их из русской и украинской письменности в сербскую представляется возможным. Внимательное изучение языка и формы сербских стихов даст дополнительные доводы, подкрепляющие заключение о русско-украинских их оригиналах.

⁷ Ср. хотя бы: П. И. Житецкий. Мысли о малорусских думах. Киев,

⁸ Следует напомнить, что редкие и лишь предполагаемые случаи отзвуков сношений Украины с сербами, замеченные в украинских думах, не касаются ни содержания, ни языка, ни тем более формы дум, см.: Н. П. Дашкевич. Несколько следов общения Южно-Руси с югославянами.— Изборник Киевский, посвященный Т. Д. Флоринскому. Киев, 1904, стр. 119 и сл. Не относятся сюда и переводы или переделки (часто через великорусскую среду) стихотворений новых сербских писателей (например, Якшича), встреченные в песнях Угорской Руси [См.: В. Н. Перетц. Рец.: «Русский Соловей», народная лира или собрание народных песен на разных угро-русских наречиях. Собрал и издал М. А. Врабель. Унгвар (Ужгород), 1890. — Киевская старина, 1892, июнь, стр. 459—474].

Если обратить внимание на рифмы сербского стиха, то среди обычных (небогатых в общем) найдем и такие:

Ливанъ злато, эмирно Отдали безмѣрно

> (Белградская народная библиотека № 110 Белградская академия, № 27)

Азъ съ вами буду до скончаніа вѣка Общѣщалъ то нам небесны владика

(Белградская академия, № 140)

мира — въра, китъ — погубити; в гробъ — озлоби, възвратити — смотрити, живъте — држите

(Белградская академия, № 140)

Фебъ просвътлой ине Во Герусалимской стъне

(Белградская академия, № 27)

Превъчни родися под лъти, Восхотъвъ землю просвътити

(Белградская академия, № 27) 9

Таких примеров набрать можно и еще. Они довольно характерны и указывают на то, что в основе их лежит смешение в произношении и и в. Однако эта черта не сербского языка, а украинского, хорошо нам известная (как раз в подобных случаях) по духовным же стихам.

На тот же украинский язык оригинала указывают и другие случаи; таковы сербские ошибки в рифме:

Богу честь и хвала до будеть во въки, Возгласите, труби и вси человъци

(Белградская народная библиотека, № 110)

Эта ошибка получилась (вместо человьки) потому, что именительный и звательный множественного числа на -ки для серба немыслим, тогда как он нормален для русского и украинского, стало быгь и сама такая рифма для серба невозможна. По той же разнице в морфологии украинской и сербской пропала рифма в другом стихе (сохранив в первом стихе украинскую форму глагола, во втором переписчик ввел сербскую):

що и ми нинъ приносимо Честь, славу богу воздадими

(Белградская академия, № 27)

И в словарном отношении найдем следы несербской лексики:

Поклонишеся богу, Взяща путь-дорогу

(Белградская народная библиотека № 110, Белградская академия № 27)

Во втором стихе повторен оборот, возможный только в русском языке, притом обычный в народной речи, а здесь обязательный по требованию рифмы.

 $^{^9}$ Ср · В Н Перетц Историко-литературные исследования и материалы, т 1 Из истории русской песни, ч 1 СПб , 1900, стр 368 Последняя вирша в «Богогласнике» (Почаев, 1805), № 186

Только при полонизме в украинском стихе понятны будут искажения сербского:

Вичуемъ съ поклономъ повернемъ С подаруки пришли къ нему

(Белградская народная библиотека, № 110)

Очевидно, первое должно читать: «виншуем» (winszować), второе — «подарунки» (podarunek — это слово вошло и в живой украинский язык в такой польской форме).

Из того же источника объясняется:

Пакъ и маломъ дяку подайте

(Белградская академия, № 27)

Этот «дяк» — школьник, прежде всего украинский; вся «орация» есть русско-украинское славление Христа школьником (сербское того же корня «ћак», обычное название школьника, турецкое «шегрт»).

Наконец, может быть, только допуская стих в украинском чтении, можно восстановить нарушенную рифму стихов:

Сказал ега тражити, По всему свету искати (Белградская академия, № 27)

В соответствующем русско-украинском стихе (Бессонов, вып. 4, № 296) читается правильно: «питати» (т. е. спрашивать). Допуская же «тражити», получим повторение (серб. тражити — «искать»).

Эти примеры довольно определенно говорят о зависимости сербских стихов, нас интересующих, или от русско-украинских, или непосредственно от украинских. На такого же рода происхождение сербских стихов указывает и силлабическая с рифмой форма стихов. Как известно, силлабическая, равносложная и неравносложная форма, с определенным количеством слогов (13, 12, 11) и рифмой, с произвольным количеством слогов, отличающаяся от прозы только рифмой, появляется в русской искусственной поэзии с XVII в., а в украинской — еще с конца XVI в. Через школу она становится затем достоянием и народной поэзии, сначала украинской, а позднее и великорусской.

Духовный стих, теперь получивший название канта и псальмы, или вирша, отливается в эту форму прежде всего на Украине и отсюда, опятьтаки через школу, достигает великорусской среды, довольно долго сохраняя как на родине, так и на севере следы своего происхождения. Полукнижный славяно-русский язык южного канта довольно долго сохраняет свой полународный характер, давая рядом с литературной речью украинизмы из практики живого языка. Эти же черты украинского происхождения долго сквозят даже в великорусских копиях XVIII в. в тетрадках, поддерживаемые специально украинской рифмой (вроде приведенных из сербских стихов). Эту форму мы находим и в интересующих нас сербских стихах. С другой стороны, в сербской православной духовной поэзии 11 мы такой формы до начала XVIII в. не встречаем.

Все это ведет к выводу, что силлабическая поэзия в сербской литературе, в том числе и народный стих, если в нем применена эта форма, находится в зависимости от русско-украинского. Такого рода предположение,

¹⁰ См. подробности: П. И. Житецкий. Мысли о малорусских думах; В. Н. Перет п. Историко-литературные исследования и материалы, т. 1 (особенно гл. IV).

11 Я имею в виду отличие ее от католической (далматинской, франкской) поэзии, стоящей в зависимости от итальянской лирики.

подкрепляемое указанными наблюдениями над языком и содержанием сербских духовных стихов, получит свое объяснение, если мы обратимся к культурным и литературным отношениям Сербии к восточным славянам в XVII и XVIII вв. Эти века накануне зарождения национально-народной сербской литературы были в то же время эпохой особенного усиления культурных связей с Россией и Украиной, особенно в области литературы и школы.

Помимо церковных, богослужебных книг, московской и чаще киевской печати, циркулировавших у сербов, охотно их приобретавших и добывавших для удовлетворения практических потребностей (церкви, назидательного чтения), в XVII и XVIII вв. в Сербию идут из России и книги четьи. Об этом свидетельствуют сохранившиеся до сих пор русские книги в сербских землях, записи на книгах и т. д., 12 наконец, библиография сербская за это время, 13 ясно показывающая, что эта «русско-украинская струя» тянется довольно долго даже в XIX в. рядом с уже развившейся вполне национальной литературой. На то же влияние Руси и отчасти Украины указывают не только «переводы» на славяно-сербский язык со славяно-руссского произведений религиозно-поучительного характера (например, проповедей Гедеона Балабана, Феофана Прокоповича, позднее Платона и др.), 14 не только простые перепечатки русских книг, сделанные сербами. 15 На то же указывают и самостоятельные произведения сербских писателей. Если известный Иван Раич подражал своим украинским учителям, в этом нет ничего удивительного: он — воспитанник Киевской Духовной академии. Но на тех же образцах был воспитан и один из предшественников Досифея Обрадовича, раньше его оценивший значение живой народной речи; это был упомянутый Гавриил Стефанович-Венцлович. 16 Из целого ряда писателей этого типа останавливаюсь несколько на Венцловиче потому, что он для нас особенно интересен в данном случае. 17

Гавриил Венцлович (родился во второй половине XVII в., умер после 1746 г.) переселился в 1690 г. с патриархом Арсением Црноевичем в Австрию; здесь он списывал много книг, был учителем, переводчиком, любителем языков, как о том свидетельствуют его рукописи. Но он в России не был, переводил преимущественно с украинского [«Меч духовный» (1666) и «Трубы словес» (1674) Барановича и др.], с польского (Барония), с греческого и т. д. Этот же Венцлович в одном из своих сборников, составленных им в 1736—1740 гг., списав русские святцы, привел несколько вирш на воскресение Христово (Сборник Академии наук Сербск., № 140/31, л. 646 и сл.). Вот одна из них:

> Врши на въскрение Хво Христос въскресе! Живот нам дарует И лучше еще дати объщует Христос въскресе! и не умрет к тому,

¹² По этому поводу см. хотя бы мои заметки: И. Федоров и его потомство (Древности Московского археологического общества, т. ХХІІІ. М., 1914, № 2, стр. 80 и сл.); один из сербских источников русской истории (Чтения в Обществе Нестора летописца, кн. ХVІІІ, вып. 3—4. Киев, 1905, стр. 37—51).

13 Ст. Новаковић. Библиографјя српска за новију књижевност (1741—1867). Београд, 1869.

14 Там же, №№ 25, 33 и т. д.
15 Там же, №№ 7, 19, 21 и т. д.
16 Разбору его языка (отчасти его биографий) посвящена упомянутая книга Влалана Йовановича

дана Йовановича.

¹⁷ Бисграфические данные заимствую из упомянутой книги Йовановича, приводимый же далее материал — непосредственно из рукописи-автографа (Белградская академия, № 140/31); ею не воспользовался Йованович, имевший в виду другие автографы Венцловича.

Нъ всегда будет жити въ нашем дому, Благая въносит въса въ дом наш съ собою Двавол мусит уступити съ злобою Тешит же се с того Христос въ въкы, Царствовати будет въ небъ с человъкы По длгом въку ищу царствовати И вам и въ царствъ Христа зръти

Мы имеем перед собой типичный украинский вирш, по языку и стилю совершенно аналогичный безымянным, приведенным выше: обычная силлабическая форма, рифма, почти полное отсутствие сербизмов (длгом, се). полонизм (мусит). Таковы же и другие вирши Венцловича в том же сборнике.

Упражняется в виршах и Иван Раич (1726—1801); им написан целый ряд типичных вирш на разные случаи; между ними видим и стихи на рождество Христово, а на воскресение, и Николаю, св. Димитрию Солунскому,

св. Георгию — на темы, наиболее популярные и на Украине. 18

Эта любовь к вирше в более консервативном кругу сербской интеллигенции (главным образом духовенства) и в народной среде замечается даже в середине XIX в. Так, например, Викентий Ракич (1750—1818), архимандрит монастыря Фенека, ¹⁹ перелагает такими виршами жития Евстафия Плакиды, св. Спиридона, Иосифа Прекрасного, Василия Великого, Алексея божьего человека, Стефана Первовенчанного и др; эти произведения печатаются начиная с конца XVIII в. и перепечатываются после смерти их автора вплоть до середины XIX в. 20 Наконец, к такого же рода изданиям. по-видимому, относится и та «Катавасия» (изданная в Белграде в 1856 г.), из которой взял большинство сербских духовных стихов Π . А. Бессонов 21

При таких условиях становится ясным, почему и стихи, сообщенные ему сербскими священниками (Бессонов, вып. 1, 36; вып. 3, 193), а также стихи, доставленные известным собирателем Марком Вуковичем (Бессонов, вып. 3, № 174, 130, 137), оказались настолько сходными с русско-украинскими.

Возможно и точнее определить главный путь, коим могли идти эти образцы школьной поэзии в Сербию, здесь распространяться и иногда переходить в народ. Этим путем была, по-видимому, главным образом школа у православных сербов начала XVIII в. История этой школы тесно связана с Украиной и Москвой. Не только общеобразовательная, но прежде всего церковная, сербская школа начала XVIII в. создалась для противодействия католической пропаганде, шедшей из Австрии и особенно усилившейся временно в течение господства австрийцев в собственно Сербии по занятии Белграда (1717). Основателем школы был, как известно, митрополит Моисей Петрович. Именно он и обратился в 1721 г. к Петру Великому с просьбой ²² о присылке учителей для сербов. Это было продолжением тех просьб, с которыми и прежде обращались к России, жалуясь на притеснения Австрии и прося помощи церквам и книг для них. Карловацкая школа Максима Суворова была несомненно устроена по типу Москов-

¹⁸ Перечень их см Д Руварац Архимандрит Јован Раијић, стр Перечень их см. Д. Руварац. Архимандрит јован Раијил, стр. 17, 26, 112 В 1790 г они напечатаны в Вене, встречаются и в сербских рукописях (Белградская академия, № 27, Белградская народная библиотека, № 761 и др.)

19 О нем см. М. Милићевић Поменик знаменитых људи српског народа Београд, 1888, стр. 625

20 Там же, стр. 626, Ст. Новаковић. Библиографија , № 189, 190, 252

и др 21 См · Бессонов вып 3, № 193, 216, 217, 218, 230, 293, 295 Такого издания нет в «Библиографии» Новаковича 22 Вторично (в первый раз в 1718 г.), но тогда его просьба осталась без ответа

ской славяно-греко-латинской и Украинской. 23 Преемник Моисея Петровича Викентий Йованович продолжает это же направление (1733), выписывая учителей прямо из Киевской академии. В их числе более других известен Эммануил (Михаил) Казачинский, продолжавший свою литературную деятельность в Сербии.²⁴ Таким образом, украинско-русская школа в Сербии была результатом уже ранее ставших оживленными сношений Руси и Украины с Сербией, причем ясен характер этих сношений: течение идет с востока в Сербию, а не наоборот (как было раньше — в XIV—XV вв.). 25 Таковы, надо полагать, были условия появления украинско-русских духовных стихов (кантов) в сербской письменности. Если эти соображения правильны, можно на основании их сделать и дальнейший вывод — о времени появления этих стихов.

Развитие литературных приемов, форм славяно-сербского языка в среде сербской народности — явление сравнительно позднее: труды Раича, Венцловича указывают на первые десятилетия XVIII в. Продолжателями их являются люди второй половины этого века (например, В. Ракич). Русскоукраинские духовные стихи разбираемого типа распространяются путем тетрадок и рукописей в сербской грамотной среде. Сохранившиеся тексты их указывают на то же время; собранные мной тексты далее XVIII в. в древность не идут, скорее же должны относиться к концу этого века или началу следующего. За ними непосредственно идут печатные издания (какова «Катавасия», издания переложений Ракича), а к ним хронологически примыкают те записи, которые получал П. А. Бессонов от сербских священников.

Таким образом, в общем дело, по-видимому, следует представлять себе так: в сербской письменности духовные стихи разбираемого типа, не народные по происхождению, а книжные, стоят в стороне от действительно народных и по форме, и по содержанию (каковы, например, собранные Вуком Караджичем во 2-м томе). Появились эти книжные стихи в сербской письменности только в XVIII в., распространялись путем переписки в более или менее консервативной среде, где и сохранялись даже тогда, когда литература сербская в трудах Венцловича, Обрадовича и Вука Караджича выходила на путь народности в языке и содержании. Так, по-видимому, эти стихи и остались преимущественно в этой среде, слабо переходя в народное сознание, как далекие от него по характеру и по форме.

²³ М. Суворов — воспитанник Славяно-греко-латинской академии.

²⁴ Он сочинил школьную драму под заглавием «Трагедиа, сиречь печальная по-24 Он сочинил школьную драму под заглавием «Трагедиа, сиречь печальная повесть о смерти последнего царя сербского Уроша питого и о падении сербского царства», изданную в 1798 г. в Будиме с дополнениями И. Ранча. Это редкое издание перепечатано А И. Соболевским (Чтения в Обществе Нестора летописца, кн. 15, вып. 2. Киев, 1901, отд. III, стр. 56—87; вып. 3, отд. III, стр. 89—122). В 1958 г. посмертно напечатана статья: С. Ц. Маслов. Манулл (Михаіл) Козачинський і його «Трагедия о смерти последнего царя Сербского Уроша V-го и о падении сербского парства». — Радянське літературознавство. Київ, 1958, № 4, стр. 46—52.

25 О школе у сербов см специальную статью: П. А. Кулаковский. Начало русской школы у сербов в XVIII в. Очерки из истории русского влияния на югославянские литературы. — ИОРЯС. СПб., 1903, кн. 2, стр. 246—311; кн. 3, стр. 190—297. Общие исторические условия освещены в исследованиях: Н. А. Попов. Россия и Сербия. М., 1869; П. А. Заболотский. Очерки русского влияния в славянских литературах нового времени. 1. Русская струя в литературе сербского Возвиских литературе сербского Возвиских литературех сербского Возвиских литературех сербского Возвиских литературех сербского времени. 1. Русская струя в литературе сербского

вянских литературах нового времени. 1. Русская струя в литературе сербского Возрождения. Варшава, 1908.